

УДК 343.152, 347.736

## ПУБЛИЧНЫЕ САНКЦИИ В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ: ВТОРОЙ РАУНД РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

**И. И. Писаревский**

*Сибирский федеральный университет*

Для тех, кто не следил за развитием обсуждаемой проблемы, кратко напомним ее суть и хронологию рассмотрения.

Суть заключается в столкновении частных и публичных интересов в делах о банкротстве, когда в гражданско-правовые по своей природе отношения в сфере банкротства добавляется уголовно-процессуальный элемент, что может выражаться, например, в назначении должнику-банкроту уголовного наказания в виде штрафа или же удовлетворении гражданского иска. В результате – начинается конкуренция уголовно-процессуальных и норм банкротного законодательства, о природе которой мы писали ранее [1, с. 190-199].

Обозначенная конкуренция выражается, как ни странно, в борьбе юрисдикций за имущество должника – банкрота, а именно, за право погасить данным имуществом требования, установленные в уголовно-процессуальном или же гражданско-правовом порядке.

В свою очередь этот общий вопрос распадается на две самостоятельные, но взаимосвязанные подпроблемы:

- наложение в уголовно-процессуальном порядке арестов на имущество должника – банкрота в рамках любой из уголовно-процессуальных процедур для достижения публично-правовых целей (как в качестве вещественного доказательства, так и для обеспечения исполнения приговора);

- очередность удовлетворения публично-правовых санкций, наложенных в уголовно-процессуальном порядке.

По данному вопросу на сегодняшний день имеется ряд ключевых правовых позиций.

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.01.2011 № 1-П, в котором закреплено, что механизм гражданского иска в уголовном судопроизводстве не может создавать привилегированные условия для удовлетворения требований отдельных кредиторов должника-банкрота, признанных потерпевшими по уголовному делу, по сравнению с общим порядком погашения требований кредиторов в процедуре банкротства [2].

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от

13.03.2018 № 578-О, в котором закреплено, что именно уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство обладает приоритетом перед банкротным, когда речь касается определения порядка и условий исполнения и отбывания наказаний [3].

3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2024 № 302-ЭС23-10298 (2) согласно которому принудительное исполнение судебных актов по имущественным требованиям к несостоятельному должнику, в том числе по подтвержденным приговором суда требованиям о возмещении причинного преступлением имущественного вреда, осуществляется в деле о его банкротстве, а имущество осужденного должника, на которое наложен арест в обеспечение указанных требований, включается в состав конкурсной массы должника и реализуется арбитражным управляющим [4].

Здесь следует сразу же дать несколько комментариев.

Во-первых, кажущаяся на первый взгляд противоречивость Постановления Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 № 1-П и Определения от 13.03.2018 № 578-О в действительности не является таковой, так как в первом случае речь идет о конкуренции между кредиторами в деле о банкротстве и гражданскими истцами в уголовном деле, а во втором о конкуренции между требованиями государства к должнику – банкроту в виде уголовно-правового наказания и кредиторами в деле о банкротстве.

В результате в Постановлении от 31.01.2011 № 1-П Конституционный Суд отдает предпочтение банкротному законодательству, а в Определении от 13.03.2018 № 578-О – уголовно-правовому, но, как было указано ранее, это обусловлено различием регулируемых материально-правовых отношений, а не противоречивостью подходов.

В этом смысле Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 24.10.2024, в котором речь шла об арестах имущества банкротства в целях исполнения гражданского иска, соответствует Постановлению от 31.01.2011 № 1-П и при этом не противоречит Определению от 13.03.2018 № 578-О.

Однако возникает вопрос, почему же, при кажущейся правовой-определенности, Верховный Суд в марте 2025 года своим определением по делу № 309-эс18-19021 (6) направил запрос в Конституционный Суд Российской Федерации, предметом которого стал вопрос учета и исполнения уголовно-правового штрафа в отношении должника-банкрота [5]?

Ответ на этот вопрос был дан нами еще в 2022 году и заключается в том, что в Определении от 13.03.2018 № 578-О Конституционный Суд уклонился от однозначного определения приоритетов частно и публично-правовых начал в

делах о банкротстве по отношению к исполнению приговора, как разновидности публично-правовой санкции [б. с. 253], что выразилось в том, что приоритет последним был отдан слишком легко, без должной правовой аргументации и глубокого изучения проблемы, на что и указал в своем особом мнении судья А.Н. Кокотов.

Почему этот запрос важен?

Полагается, что в данном случае Верховный Суд руководствуется чисто утилитарными и так необходимыми практике соображениями, которые заключаются в том, что провозглашенные Конституционным Судом в Постановлении от 31.01.2011 № 1-П и Определении от 13.03.2018 № 578-О приоритеты при их общей понятности, не предусматривают надлежащих механизмов их реализации в делах о банкротстве, что приводит к блокированию последних.

В чем это выражается?

Во-первых, до конца не определена природа уголовного наказания, когда оно носит имущественный характер, и как оно соотносится с требованиями других кредиторов в деле о банкротстве, в частности, могут ли данные требования приобретать статус текущих и если могут, то при каких условиях?

Во-вторых, в законодательстве и практике до сих пор нет единой позиции, в каком порядке и кем должны сниматься уголовно-процессуальные аресты в делах о банкротстве, безотносительно того наложены ли они для обеспечения исполнения приговора или гражданского иска.

Так иногда арбитражная практика наделяет абз. 9 п. 1 ст. 126 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» силой непосредственного действия, и исходит из того, что после введения процедуры банкротства, аресты, наложенные по уголовным делам, прекращаются в силу закона [7; 8].

Однако чаще применяется иной подход, согласно которому аресты, наложенные в уголовно-процессуальном порядке, могут быть сняты только судом общей юрисдикции в рамках производства по уголовному делу и до этого момента сохраняют свою силу вне зависимости от процесса разворачивания банкротных правоотношений.

В результате процесс снятия арестов превращается для должника, кредиторов и арбитражного управляющего в бесконечное «хождение по мукам» в попытка убедить правоохранительные органы и суд, в производстве которого находится уголовное дело, в том, о чем еще в 2011 году написал Конституционный Суд, и сделать это по понятным причинам получается далеко не всегда, что создает парадоксальную ситуацию, когда у должника имеются

активы, но распорядиться ими он не может в силу наложенных по уголовному делу арестов, а без определения судьбы имеющихся активов, не может быть завершена процедура банкротства, что превращается в замкнутый круг.

Судя по всему, устав от однотипных жалоб, Судебная коллегия по экономическим спорам решила наконец, с помощью Конституционного Суда, поставить точки в указанном вопросе и разрубить gordiev узел противоречий.

Надеемся, что в это раз Конституционный Суд не только выскажет очередное суждение о приоритетах банкротного и уголовно-процессуального законодательства, но и предложит четкие комплексные механизмы разрешения возникающих противоречий и, в первую очередь, механизм снятия арестов с имущества должника – банкрота, что найдет последующее закрепление и в федеральном законодательстве, благо для этого у Конституционного Суда имеются все полномочия.

#### **Список использованных источников:**

1. Писаревский И. И. Наложение ареста на имущество должников банкротов по уголовным делам в контексте столкновения частных и публичных интересов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 12. С. 190-199.

2. Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой от 31 янв. 2011 г. № 1-П [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision52997.pdf> (дата обращения 24.08.2025).

3. Определение Конституционного Суда РФ по делу об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сухорукова Игоря Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 16, статьями 31 и 32 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, частями 1 и 15 статьи 103 Федерального закона «Об исполнительном производстве», частью девятой статьи 115 и статьей 4012 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 13 мар. 2018 г. № 578-О [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда РФ. URL:

<http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision323666.pdf> (дата обращения 24.08.2025).

4. Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 24 окт. 2024 г. по делу № А33-18794/2021 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: [https://vsrf.ru/lk/practice/stor\\_pdf\\_ec/2416116](https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2416116) (дата обращения: 24.08.2025).

5. Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 25 мар. 2025 г. по делу № А47-13142/2015 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: [https://vsrf.ru/lk/practice/stor\\_pdf\\_ec/2451750](https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2451750) (дата обращения: 24.08.2025).

6. Писаревский И. И. Проблема исполнения приговора в отношении гражданина-банкрота // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей, Томск, 27–29 января 2022 года. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2022. С. 251–253.

7. Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 26 дек. 2014 г. по делу № А56-91/2014 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: [http://vsrf.ru/stor\\_pdf\\_ec.php?id=1121462](http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1121462) (дата обращения: 24.08.2025).

8. Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 17 янв. 2020 г. по делу № А50-36338/2018 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: [http://vsrf.ru/stor\\_pdf\\_ec.php?id=1854016](http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1854016) (дата обращения: 24.08.2025).

## УДК 342.2

### ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЪЕКТИВНЫХ ГРАНИЦ ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

**В. В. Питецкий**

*Сибирский федеральный университет*

В уголовном праве имеется много неразрешенных вопросов, связанных с квалификацией неоконченных преступлений. Это обусловлено двумя группами факторов: неточностями уголовно-правовых предписаний и слабой теоретической базой по вопросам правовой оценки неоконченных преступлений, в частности приготовления. Одним из актуальных вопросов является определение объективных границ последнего. К ним следует отнести форму деяния, моменты начала и окончания, а также причины, по которым преступление не доводится до конца. Законодательное определение приготовления к преступлению (ч. 1 ст. 30 УК) включает в себя перечень относительно определенных действий, которые характеризуются общим понятием – создание условий. Поэтому для установления в содеянном